

Так объясняется и обращение — в большинстве случаев стихийное — многих пролетарских писателей к определенным романтическим формулам. Значит, здесь в определенном смысле делается разграничение от критического реализма, причем, может быть, не от всего критического реализма, а от определенного, наиболее специфичного его варианта.

Вот почему для понимания сущности социалистического реализма важно подчеркнуть не столько его связь с критическим реализмом (социалистический реализм как продолжение критического реализма), сколько, в особенности, различие между этими двумя художественными методами.

Это нам кажется тем более важным потому, что часть славяноведов продолжает находиться в плену предрассудка согласно которому, отрицательное отношение первых представителей пролетарской поэзии к видным представителям критического реализма было ошибкой (см. например, работу О. Ф. Маркова о болгарской поэзии первой четверти XX века, стр. 178). Эти исследователи, рассматривая литературный процесс недialeктически, не отдают себе отчета в том, что вышеуказанная позиция пролетарской поэзии была не «ошибкой», а закономерностью. Пролетарская поэзия не могла оформиться как литературное движение иначе, как отмежевавшись от критического реализма. Критический реализм, разумеется, не был литературой, лишенной идеалов, но это была литература, в которой верность гуманистическому идеалу прогресса односторонне перевоплощалась лишь в гневное отрицание настоящего, отрицание тем более ожесточенное (и я сказал бы безнадежное), что буржуазная действительность казалась большинству представителей критического реализма «единственно возможной». Поэтому разоблачение, отрицание, развенчивание становилось главной задачей художественного творчества. Пролетарская литература восприняла, усвоила этот разоблачительный пафос, но пошла дальше его, утверждая уверенность рабочего класса в своем будущем, так ярко выраженную В. И. Лениным в его статье о Л. Толстом. «Представители современного рабочего движения находят, — писал В. И. Ленин, — что протестовать им есть против чего, но отчаиваться не в чем. Отчаяние свойственно тем классам, которые гибнут, а класс наемных рабочих неизбежно растет, развивается и крепнет... Отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, не способен бороться. Современный промышленный пролетариат к числу таких классов не принадлежит»¹.

Второе разграничение необходимо сделать по отношению к декадентским течениям, которые получили размах к концу XIX века. Пролетарская поэзия чувствовала свое известное родство с романтизмом, так как, в отличие от критического реализма и особенно — в противоположность натурализму, она утверждала примат идеального. (Необходимость искать новые пути утверждения веры в идеальное чувствуют и некоторые писатели-реалисты того времени, как Р. Роллан или

¹ В. И. ЛЕНИН, *Соч.*, т. 20, стр. 40—41.